

Сергей Патрушев

Маг огня

Сергей Патрушев

Маг огня

«Автор»

2026

Патрушев С.

Маг огня / С. Патрушев — «Автор», 2026

В центре повествования — судьба рода магов огня, берущего начало от простого подмастерья пекаря Эйдана, в котором неожиданно пробуждается древняя сила. История разворачивается на фоне королевства Альтера с его величественными башнями, живописными холмами и таинственными Пустошами — местом, где когда-то сторела целая цивилизация. Эйдан проходит путь от испуганного юноши, боящегося собственного дара, до мудрого хранителя, способного не только управлять пламенем, но и слышать голос древних огней, умирять их ярость и возвращать им покой. Рядом с ним — верная Лина, дочь пекаря, в которой пробуждается редкий дар земли, становясь надёжной опорой и продолжением его огня. Через поколения, через войны и катастрофы, через расцвет и угасание цивилизаций тянется эта нить — огонь передаётся от матери к дочери, от деда к внучке, храня память о тех, кто любил, горел и уходил к звёздам.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Маг огня

Глава 1.

Солнце клонилось к закату, окрашивая шпили Королевства Альтера в цвета расплавленного золота и старой меди. Тысячи стеклянных окон в тысячах домов, лепящихся друг к другу на склонах холмов, вспыхивали последним светом дня, превращая столицу в гигантский драгоценный камень, рассыпанный у подножия Небесного Кряжа. Эйдан стоял на смотровой площадке Высокой Башни Гильдии Магов, и ветер, всегда холодный на этой высоте, трепал его тёмные волосы, пахнувшие дымом и сухой травой. Отсюда, сверху, город казался игрушечным, а люди внизу – неразличимыми песчинками, спешащими по своим мелким делам. Он чувствовал, как внутри него, в самой глубине грудной клетки, пульсирует жар. Это не было лихорадкой или волнением. Это было дыхание того, что теперь поселилось в его крови.

Он опустил взгляд на свою раскрытую ладонь. Линии на ней, когда-то просто рисунок судьбы, теперь казались трещинами в пересохшей земле. Эйдан сосредоточился, и кончики пальцев начали покалывать. Сначала возникла искра – крошечная, золотая, похожая на светлячка, заблудившегося среди бела дня. Она затрепетала, словно живая, а затем с тихим, удовлетворённым шипением разрослась в устойчивый язычок пламени. Он танцевал у него на ладони, не обжигая кожи, отбрасывая тёплые блики на его лицо с резковатыми, но ещё юными чертами. Эйдан смотрел на огонь заворожено. Всего месяц назад он был подмастерьем пекаря, чьим единственным талантом было умение вовремя перевернуть лопату с хлебами в раскалённой пасти печи. А теперь печь была внутри него.

Внизу, в городе, зажглись первые фонари. Масляные огоньки зажигальщиков казались отсюда блуждающими искрами, ползущими по тёмным венам улиц. Королевство жило своей жизнью. Где-то там, на Центральном рынке, торговцы пряностями подсчитывали дневную выручку, где-то в порту на Нижней реке грузчики разгружали бочки с иноземным вином, а в таверне «Толстый Гусь» уже затевали драку подгулявшие рудокопы. Обычная, грубая, настоящая жизнь. Жизнь, от которой Эйдан теперь был отделён не только высотой башни, но и самой своей сутью.

– Эйдан! – раздался за спиной скрипучий голос, разрушивший магическую тишину. – Опять любишься видом? Магистр Ворон ждёт тебя в Зале Стихий. И прекрати жечь пергаменты своим нетерпением!

Старый Архивариус Орсин, сгорбленный, словно буква «зю», которой он так часто покрывал свои манускрипты, появился из тени арки. Его длинная серая мантия волочилась по каменным плитам.

– Я не жёг, – Эйдан разжал кулак, и пламя исчезло, оставив лишь лёгкое марево горячего воздуха. – Я просто... грел руки.

– Грел он руки, – проворчал Орсин, его очки в железной оправе блеснули в свете умирающего дня. – От твоего «гретья» в хранилище редких свитков третья полка потемнела. Иди уже. Не заставляй Магистра ждать, мальчик. Он не любит, когда его стихию используют как оправдание для опозданий.

Эйдан усмехнулся, и этот смех прозвучал легче, чем он чувствовал себя на самом деле. Он оттолкнулся от каменного парапета и направился к лестнице, ведущей внутрь башни. Проходя мимо Архивариуса, он на мгновение задержался.

– Орсин, – тихо спросил он, глядя не на старика, а куда-то в темноту лестничного пролёта. – А это когда-нибудь... перестает удивлять?

Архивариус поправил очки, и на его морщинистом лице появилось нечто, похожее на понимание.

– Нет, мальчик. Никогда. Через пятьдесят лет ты будешь смотреть на огонь в своём камине и видеть в нём то же чудо, что и в первый раз. А теперь иди. И постарайся не подпалить бороду Магистра. У него тяжёлая рука, а новая отрастает долго.

Эйдан спустился по винтовой лестнице, и стены башни, сложенные из тёсаного камня, дышали на него древним холодом. Но холод этот больше не пробирал его до костей. Внутри была его собственная, непокорная печь. Он вошёл в Зал Стихий, огромное помещение, потолок которого терялся в сумраке, а стены были расписаны фресками с историями о первых магах, укротивших ветра, воды, камни и пламя. В центре зала, в круге из полированного чёрного мрамора, стоял Магистр Ворон. Высокий, сухой, одетый в тёмно-бордовые одежды, он больше походил на ожившую головешку, чем на человека. Его седые волосы были стянуты в строгий пучок на затылке, а глаза, тёмные и блестящие, смотрели на вошедшего Эйдана с изучающим, оценивающим спокойствием.

– Подойди, – голос Магистра звучал как потрескивание сухих поленьев.

Эйдан шагнул в круг. Как только его нога коснулась чёрного мрамора, воздух вокруг словно сгустился.

– Я слышал, ты сегодня опять жег свитки? – без тени улыбки спросил Магистр.

– Нет, магистр. Я просто...

– Ты просто позволил эмоциям управлять силой, – перебил его Ворон. – Огонь – это не просто жар и свет. Это дисциплина. Это чистота. Это уничтожение всего лишнего. Но уничтожать нужно с умом. Покажи, чему ты научился.

Эйдан кивнул, чувствуя, как пульс участился. Он поднял руку, и на этот раз пламя родилось не на ладони, а вспыхнуло в воздухе прямо перед ним, приняв форму идеальной, пылающей сферы. Он повёл рукой, и сфера послушно поплыла по кругу, оставляя за собой едва заметный светящийся след. Он сжал пальцы, и сфера сжалась в точку, превратившись в ослепительно яркую искру. Затем резко развёл руки в стороны, и искра взорвалась каскадом золотых брызг, которые, не долетев до пола, погасли, оставив лишь запах озона и нагретого камня.

Ворон несколько мгновений молчал. Затем едва заметно кивнул.

– Контроль есть. Но нет страсти, – сказал он. – Ты боишься своего огня. Ты держишь его на привязи, как цепного пса. А он должен быть частью тебя. Твоей душой, вывернутой наружу. Выйди на балкон.

Удивлённый, Эйдан подчинился. Он толкнул тяжёлую стеклянную дверь и вышел на узкий балкон, нависающий над пропастью. Внизу, далеко-далеко, шумел вечерний город, а над головой зажигались первые, ещё робкие звёзды. Магистр встал рядом.

– Видишь вон тот лес, на востоке? – Ворон указал рукой на тёмную полоску на горизонте, где предгорья переходили в сплошную стену вековых сосен. – За ним, за перевалом, начинаются Пустоши. Там нет жизни. Только пепел и камни. Когда-то там было цветущее королевство, пока маг, обуянный гордыней, не попытался поймать в свои сети само солнце. Он не смог обуздать то, что призвал. И огонь пожрал всё.

Ворон повернулся к Эйдану, и в его глазах отразился свет далёких звёзд и ближайших городских огней.

– Запомни, Эйдан. Пламя в твоей груди – это не просто сила. Это великая ответственность. Это голод, который никогда не утолить до конца. Ты должен стать его хозяином, или он сожрёт тебя и всё, что тебе дорого. А теперь иди. Отдыхай. Завтра на рассвете мы начнём настоящее обучение.

Эйдан снова посмотрел на горизонт, туда, где за лесом таились Пустоши – молчаливое напоминание о цене ошибки. Ветер стих, и в наступившей тишине он отчётливо услышал потрескивание огня в высоком камине Зала Стихий, доносящееся через открытую дверь. Он кивнул Магистру и бесшумно покинул балкон. Спускаясь по бесконечным лестницам в свою маленькую комнату в восточном крыле, он думал не о Пустошах и не об ответственности. Он думал о том, как красиво сегодня солнце окрасило шпили его нового дома, и о том, что завтра на рассвете он впервые по-настоящему прикоснётся к своей стихии. И внутри, в такт его шагам, ровно и уверенно пульсировал жар.

Глава 2.

Ночь опустилась на Королевство Альтера бархатным пологом, расшитым миллионами звёзд. Эйдан не спал. Он лежал на узкой койке в своей каменной келье, глядя в потолок, где плясали причудливые тени от масляного светильника. Сон не шёл – мысли о завтрашнем дне, о настоящем обучении, о словах Магистра Ворона кружились в голове, не давая покоя. Встал он задолго до рассвета, когда небо за узким окном только начинало светлеть первой, едва уловимой акварелью утренней зари.

Он оделся быстро, накинул простую тёмную тунику, подаренную Гильдией, и вышел в коридор. Тишина в башне стояла такая, что казалось, даже камни затаили дыхание. Только где-то далеко внизу звякнула метлой служанка, начинающая свой бесконечный день. Эйдан спустился во внутренний двор – большое прямоугольное пространство, вымощенное серым камнем, со всех сторон окружённое высокими стенами Гильдии. В центре двора уже стоял Магистр Ворон, его тёмный силуэт чётко вырисовывался на фоне розовеющего неба.

– Ты точен, – сухо одобрил Ворон, даже не обернувшись. – Это хорошо. Времени у нас мало, а научить тебя нужно многому.

Эйдан подошёл ближе и только тогда заметил, что Магистр стоит в центре огромного круга, выложенного из красноватого кирпича. По краям круга были установлены невысокие каменные столбики, каждый с углублением на вершине.

– Это Огненный Круг, – пояснил Ворон, наконец поворачиваясь к ученику. – Древнее место обучения магов огня. Смотри и запоминай.

Магистр поднял руку, и Эйдан впервые увидел, как работает истинный мастер. Пламя родилось не на ладони и не в воздухе – оно просто возникло повсюду одновременно. Каждый каменный столбик вспыхнул ровным золотым огнём, а сам Ворон оказался в центре огненного смерча, который, впрочем, даже не опалил его одежд. Смерч закружился, взметая в воздух искры, которые, не долетая до земли, складывались в причудливые узоры – цветы, птиц, драконов. Ворон резко опустил руку, и всё исчезло. Только лёгкое марево горячего воздуха поднималось над кругом.

– Теперь ты, – приказал Магистр, выходя из круга. – Забудь всё, чему ты научился сам. Забудь про искры и маленькие огоньки. Ты – огонь. Твоя воля – его воля. Встань в центр.

Эйдан, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, шагнул в круг. Камень под ногами был ещё тёплым после демонстрации Магистра. Он закрыл глаза и попытался сделать то, что сказал Ворон – стать огнём. Внутри него жар пульсировал сильнее обычного, словно зверь, почувывший волю. Эйдан глубоко вздохнул и позволил этому жару вырваться наружу.

Пламя вырвалось из него неконтролируемым потоком. Оно не зажгло столбики по краям – оно ударило в небо огромным столбом, едва не опалив собственные волосы Эйдана. Он испуганно дёрнулся, и огонь погас так же внезапно, как и появился.

Ворон не рассердился. Он даже не изменился в лице.

– Страх, – констатировал он. – Ты испугался собственной силы. Ты попытался её контролировать, вместо того чтобы направлять. Это как пытаться удержать воду в горсти, сжимая пальцы. Расслабься. Дыши. Ещё раз.

И Эйдан пробовал снова. И снова. Солнце поднялось над стенами Гильдии, заливая двор золотом настоящего, не магического света. Город внизу просыпался – доносился далёкий гул рынков, стук колёс по мостовой, крики погонщиков мулов. А здесь, в Огненном Круге, время текло иначе. Эйдан падал от усталости, пот заливал глаза, но он упрямо поднимался и снова пытался обуздать бушующее внутри пламя.

К полудню, когда тени стали короткими и злыми, Ворон наконец остановил его.

– Довольно, – сказал Магистр. – Ты вымотан. Отдохни, поешь. Вечером продолжим.

Он развернулся и ушёл в башню, оставив Эйдана одного во дворе. Юноша опустился прямо на горячие камни, тяжело дыша. Руки дрожали от перенапряжения. Он поднял голову к небу, такому безоблачному и безразличному, и вдруг услышал шаги.

– Эйдан! – звонкий голос разрезал послеобеденную тишину. К нему бежала девушка в лёгком синем платье, её рыжие волосы развевались на ветру. – Я так и знала, что найду тебя здесь! Весь город говорит, что в Гильдии появился новый маг огня. Это правда ты?

Эйдан смущённо улыбнулся, узнав Лину – дочь пекаря, у которого он работал. Они выросли вместе на одной улице в Нижнем Городе.

– Лина? Что ты здесь делаешь? Как ты прошла мимо стражи?

– А я принесла пирожки! – она подняла вверх корзинку, накрытую белой льняной салфеткой. – Отец испёк твои любимые, с вишней. Сказал, что магу огня нужно хорошо питаться, чтобы было чем гореть.

Она присела рядом с ним на корточки, и её веснушчатое лицо стало серьёзным.

– Ты как? Тяжело? Ты так устал, на тебе лица нет.

– Тяжело, – признался Эйдан, принимая из её рук тёплый, ещё пахнувший свежей выпечкой пирожок. – Но это... это невероятно, Лина. Я чувствую внутри такое, чего не передать словами. Огонь живёт во мне, он дышит со мной.

– А он не опасный? – Лина осторожно коснулась его руки. – Ты не обожжёшься?

В доказательство Эйдан щёлкнул пальцами, и на кончике каждого из них заплясал крошечный огонёк. Лина взвизгнула от неожиданности, но скорее от восторга, чем от страха.

– Ой! А можно я тоже попробую?

– Не думаю, что это хорошая идея, – раздался голос от входа во двор. Там стоял молодой парень в зелёном плаще ученика магов. Он был чуть старше Эйдана, с острыми чертами лица и насмешливой улыбкой. – Магия огня требует призвания, рыжик. Не каждый может просто так взять и зажечь.

Лина нахмурилась.

– А ты кто такой?

– Кайл, ученик мага воздуха, – парень слегка поклонился, но в его поклоне чувствовалась ирония. – Пришёл посмотреть на новую звезду Гильдии. Слышал, ты сегодня чуть башню не спалил, огневик?

Эйдан поднялся, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

– Я ничего не спалил.

– Ну да, ну да, – Кайл обошёл вокруг них, разглядывая Лину с откровенным любопытством. – А это кто? Сестра? Подружка? В Нижнем Городе, судя по платью, живёте?

– Это моя... – начал Эйдан, но Лина перебила его, гордо вскинув подбородок.

– Я Лина, дочь пекаря с Прядильной улицы. И я принесла Эйдану пирожки, потому что мы друзья. А ты, если хочешь, можешь идти ловить свой воздух, он тут, кажется, застоялся без дела.

Кайл удивлённо поднял бровь, а затем рассмеялся – не обиженно, а искренне.

– Ого, у неё есть характер! Берегись, Эйдан, такие девушки либо сжигают сердце дотла, либо заставляют его гореть вечно. Ладно, не буду мешать. Увидимся на занятиях, огневик. И передавай привет Магистру Ворону – скажи, что воздух сегодня особенно сладкий, наверное, от дыма твоих неудач.

Он ушёл так же внезапно, как появился, оставив после себя лишь лёгкий ветерок. Лина фыркнула.

– Ну и тип. Все маги такие самовлюблённые?

– Не все, – улыбнулся Эйдан, чувствуя, как усталость отступает. – Некоторые просто пекут хлеб. Или едят пирожки с вишней во дворе магической Гильдии.

Они сидели на тёплых камнях, пока солнце медленно ползло к закату, и говорили о старых временах, о соседях, о том, как изменился Нижний Город. Лина рассказывала, что на их улице открылась новая лавка пряностей, что у кузнеца родился четвёртый сын, а старая скворечня на крыше их дома наконец развалилась под тяжестью годов. Эйдану казалось, что он вернулся домой, хотя дом его теперь был здесь, в каменной башне на холме.

Когда тени стали длинными и прохладными, Лина собралась уходить.

– Я приду ещё, если ты не против, – сказала она, поправляя корзинку на локте. – Отец будет печь пирожки каждый день, если узнает, что они нужны магу.

– Приходи, – ответил Эйдан. – Мне будет... мне не хватает этого. Обычной жизни.

Она улыбнулась на прощание и побежала к воротам, где её уже ждал стражник, которому она, видимо, сунула пару пирожков для пропуска. Эйдан смотрел ей вслед, пока рыжее пятнышко не скрылось за поворотом, а потом снова поднял руку и призвал пламя. На этот раз оно родилось легко и послушно, ровным красивым шаром. Может быть, потому что сердце было спокойно.

Вечером, когда звёзды снова зажглись над Альтерой, Эйдан стоял на том же балконе, что и вчера. Город внизу жил своей жизнью – где-то играла музыка, где-то ссорились, где-то влюблялись. В открытое окно Зала Стихий долетали голоса магов, обсуждающих какие-то свои высокие материи. А Эйдан смотрел на огни внизу и чувствовал, что наконец-то начал понимать.

Огонь внутри него больше не пульсировал тревожно. Он горел ровно и спокойно, как домашний очаг. Как те пирожки, что пёк старый пекарь для своей дочери и для парня, который когда-то был просто подмастерьем. Эйдан улыбнулся своим мыслям и вошёл в башню. Завтра будет новый день, полный падений и попыток. Но сегодня вечером он был просто счастлив.

Месяцы пролетели как один миг, превратившись в череду рассветов, проведённых в Огненном Круге, и вечеров, наполненных тихими разговорами с Линой у ворот Гильдии. Эйдан изменился – не только внешне, возмужав и раздавшись в плечах, но и внутренне. Пламя больше не пугало его, не вырывалось неконтролируемым потоком при малейшем волнении.

Оно стало частью его существа, таким же естественным, как дыхание. Магистр Ворон, скупой на похвалу, всё чаще ограничивался коротким кивком после занятий, и Эйдан научился понимать этот жест как высшее одобрение.

Осень вступила в свои права, раскрасив леса вокруг Альтеры в багряные и золотые тона. Утром над рекой поднимались густые туманы, а по ночам камни мостовой покрывались тонким слоем инея, хрустящим под ногами первых прохожих. В Гильдии готовились к Дню Осеннего Равноденствия – одному из главных праздников в году, когда маги всех стихий демонстрировали свои достижения перед Советом и приглашёнными гостями из знатных семей королевства.

Эйдан должен был участвовать впервые. И от одной только мысли об этом внутри всё сжималось в тугой узел.

– Ты справишься, – уверенно говорила Лина, сидя на скамье в саду Гильдии, куда ей теперь разрешали приходиться без особого пропуска. Стражи давно привыкли к рыжеволосой девушке с корзинкой пирожков и только улыбались ей вслед. – Ты столько месяцев тренировался. Магистр Ворон сказал, что ты готов.

– Магистр Ворон сказал, что я готов не сжечь башню, – усмехнулся Эйдан, теребя в руках алое яблоко, которое Лина принесла из дома. – Это не совсем то же самое, что выступать перед всем Советом. Там будет сам Верховный Маг, Элиан Небесный. Говорят, он может одним движением руки остановить грозу.

– Ну и что? – Лина пожала плечами с той непосредственностью, которая так в ней восхищала Эйдана. – А ты можешь одним движением руки испечь яблоко. Это не менее полезно.

Эйдан рассмеялся, и напряжение немного отпустило. Он поднёс яблоко к губам и прикусил сочную мякоть. Лина была права – в конце концов, что такое все эти маги с их величием по сравнению с простыми радостями жизни? Но где-то в глубине души он знал, что это не просто выступление. Это его шанс доказать, что парень из Нижнего Города, бывший подмастерье пекаря, достоин носить алую мантию мага огня.

Накануне праздника в Гильдию прибыли гости. Эйдан стоял у окна в коридоре второго этажа и смотрел, как во двор одна за другой въезжают кареты, украшенные гербами знатнейших родов Альтеры. Лошади цокали копытами по камням, слуги суетились, раскладывая багаж, а важные господа в дорогих одеждах неспешно поднимались по ступеням, даже не глядя на тех, кто встречал их внизу.

– Засмотрелся? – раздался за спиной голос Кайла. Маг воздуха за последние месяцы стал если не другом, то приятелем. Их соперничество переросло в нечто вроде уважительного противостояния, особенно после того, как Эйдан однажды спас Кайла от серьёзной травмы во время совместной тренировки. – Красиво, правда? А внутри у большинства из них – пустота.

– Ты всех знаешь? – спросил Эйдан, не оборачиваясь.

– Ну, некоторых, – Кайл подошёл ближе и тоже уставился во двор. – Вон та карета с золотым драконом – дом Ларсонов. Богатейшие торговцы тканями, спонсируют половину Гильдии Воздуха. А вон та, чёрная, с серебряной луной – род Вальмонтов. Старая аристократия. Гово-

рят, у них в роду были маги воды, но уже три поколения никто не проявлял дара. Поэтому они так и лезут на наши праздники – ищут выгодные браки для своих отпрысков.

– А вон та? – Эйдан кивнул на простую, почти скромную карету без особых украшений, которая как раз въезжала во двор.

Кайл присмотрелся и присвистнул.

– Ого. А вот это интересно. Это герб Северных Земель. Граф Валтор приехал. Собственной персоной. Говорят, у него дочь на выданье, красавица, каких свет не видывал. И характер – ого-го. Бедные маги, сейчас начнётся охота за приданым.

– Ты всегда всё сводишь к деньгам и выгоде, – покачал головой Эйдан.

– Потому что я реалист, огневик. В этом мире всё решают связи и золото. А магия – просто инструмент, чтобы получить и то, и другое. Вот увидишь, завтра половина наших учеников будет виться вокруг этой северной принцессы, как мухи над мёдом.

Эйдан ничего не ответил. Его взгляд задержался на карете, из которой как раз выходила фигура в тёмно-синем плаще. Фигура была женской, стройной, с длинными светлыми волосами, выбивающимися из-под капюшона. Девушка подняла голову, и даже с такого расстояния Эйдан заметил, как блеснули на солнце её глаза – необычного, светлого оттенка, почти прозрачного.

– Красивая, – невольно вырвалось у него.

– Ага, – хмыкнул Кайл. – И очень далёкая от Нижнего Города, пекарь. Забудь. Такие девушки выходят замуж за графов или магов с титулом. Не за бывших подмастерьев.

Эйдан резко обернулся, готовый возразить, но Кайл уже уходил по коридору, насвистывая какую-то легкомысленную мелодию.

Праздничный день выдался ясным и холодным. Солнце поднялось над Альтерой, разгоняя утренний туман, и залило город ровным золотистым светом. На Главной площади, перед зданием Совета Магов, установили высокую сцену, украшенную флагами всех гильдий. Вокруг толпились горожане, пришедшие поглазеть на бесплатное представление, а на специальных трибунах, укрытых тёплыми пледами, рассаживалась знать.

Эйдан стоял за кулисами, чувствуя, как предательски дрожат колени. Алая мантия, которую он надел впервые, казалась чужой и тяжёлой. Рядом суетились другие ученики – кто-то повторял заклинания, кто-то просто трясся от страха, как и он сам.

– Эйдан! – знакомый голос вырвал его из оцепенения. Лина протолкалась сквозь толпу помощников и слуг, держа в руках что-то завернутое в чистую ткань. – Я еле прошла! Там стража злая сегодня, как собаки. Держи.

Она сунула ему в руки свёрток. Эйдан развернул ткань и увидел небольшой хлебец, искусно испечённый в форме язычка пламени.

– Это отец придумал, – улыбнулась Лина, хотя в глазах её читалось волнение. – Сказал, что такой хлеб приносит удачу магу огня. Мы его с особым заговором пекли, по старинному рецепту. Бабушка научила.

Эйдан сжал тёплый хлеб в ладонях и почувствовал, как страх отступает. Перед ним была самая настоящая магия – магия заботы, магия дома, магия простых человеческих чувств.

– Спасибо, – сказал он тихо. – Ты даже не представляешь, как мне это нужно.

– Представляю, – серьёзно ответила Лина. – Я же тебя знаю. Ты всегда боишься перед чем-то важным. Но всегда справляешься. Справляйся и сейчас.

Она чмокнула его в щёку и исчезла в толпе так же внезапно, как появилась, оставив после себя лишь запах свежей выпечки и едва уловимый аромат полевых цветов.

– Эйдан из Нижнего Города! – раздался зычный голос распорядителя. – Твой выход через десять минут. Приготовься.

Он откусил кусочек хлеба, чувствуя, как тёплая мякоть тает во рту, и спрятал остальное за пазуху. Глубокий вдох. Выдох. Пламя внутри отозвалось ровным, уверенным теплом. Он готов.

Выход на сцену ослепил его ярким светом и гулом тысяч голосов. Эйдан на мгновение растерялся, но потом взял себя в руки и вышел в центр помоста. Напротив, на возвышении, восседал Совет Магов во главе с Верховным Магом Элианом Небесным – стариком с длинной седой бородой и глазами цвета грозового неба. Рядом с Советом, на отдельных креслах, расположилась знать. Эйдан мельком заметил ту самую светловолосую девушку в синем платье, сидящую рядом с суровым мужчиной с военной выправкой – видимо, графом Валтором.

– Начинай, мальчик, – голос Верховного Мага прозвучал тихо, но его услышали даже на задних рядах площади.

Эйдан кивнул и поднял руки. Он не стал выдумывать ничего сложного. Он просто вспомнил тот вечер на балконе, когда впервые почувствовал единение со своей стихией. Вспомнил утренние туманы над Альтерой. Вспомнил Лину с её пирожками и рыжими волосами, развевающимися на ветру. И огонь родился сам собой.

Сначала это был просто шар – идеально ровный, золотистый, переливающийся изнутри. Эйдан повёл рукой, и шар разделился на десятки маленьких огоньков, которые закружились в сложном танце, выписывая в воздухе узоры. Он заставил их сложиться в фигуру птицы – огромного огненного сокола, расправившего крылья над площадью. Сокол взмыл ввысь, рассыпался тысячами искр, и искры эти, не долетая до зрителей, превратились в цветы – алые розы, горящие ярким пламенем, но не обжигающие.

По толпе прокатился вздох восхищения. Эйдан не останавливался. Он творил то, что чувствовал – огненный дождь, небесных зверей, сложные геометрические фигуры, сменяющие друг друга с калейдоскопической быстротой. Он забыл о Совете, о знати, о страхе. Остался только он и его огонь, единое целое, пульсирующее в такт сердцу.

Когда он закончил, на площади воцарилась тишина. А потом грянули аплодисменты. Они нарастали, как приливная волна, захлёстывая сцену, заглушая все звуки. Эйдан стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как по лицу катятся слёзы – слёзы облегчения и счастья.

Верховный Маг поднялся со своего кресла. Тишина восстановилась мгновенно.

– Эйдан из Нижнего Города, – голос Элиана Небесного разнёсся над площадью, наполненный силой и мудростью. – Ты не просто показал владение стихией. Ты показал душу огня. Редкий дар. Редкое понимание. Совет Магов единогласно присваивает тебе звание полноправного мага и приглашает остаться в Гильдии для дальнейшего обучения. Ты достоин.

Эйдан поклонился, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Он сделал это. Он смог.

После церемонии, в суете поздравлений и толчее гостей, он искал глазами только одно лицо. Лина нашлась у края сцены, прижимая к груди пустую корзинку и улыбаясь так, словно это её только что наградили.

– Ты видел их лица? – закричала она, бросаясь к нему. – Ты видел? Особенно эту важную даму в жёлтом, у неё челюсть отвисла! Эйдан, ты был невероятен!

Он обнял её, прижимая к себе, вдыхая запах хлеба и полевых цветов, и чувствуя, как внутри разливается тепло, не имеющее отношения к магии.

– Это ты невероятна, – прошептал он ей в волосы. – Ты и твой хлеб.

– Молодой человек, – раздался за спиной сухой, но не лишённый вежливости голос. Эйдан обернулся и увидел графа Валтора, который смотрел на них с Линой с лёгким недоумением. Рядом стояла та самая светловолосая девушка, и вблизи её глаза оказались не просто светлыми, а почти прозрачно-голубыми, как горный лёд.

– Моя дочь, леди Ариана, хотела бы выразить вам своё восхищение, – продолжил граф. – Если вы, конечно, сообразоволяете уделить нам минуту.

Лина отстранилась, и Эйдан почувствовал, как её руки дрогнули. Он посмотрел на неё, потом на леди Ариану, и внезапно понял, что Кайл был и прав, и неправ одновременно. Связи и титулы что-то значили в этом мире. Но не всё.

– Леди Ариана, – он поклонился девушке с уважением, но без подобострастия. – Для меня честь. Но позвольте представить вам мою подругу Лину, без поддержки которой я бы никогда не стоял здесь сегодня.

Глаза леди Арианы удивлённо распахнулись, скользнув по простому платью Лины, по её рыжим волосам, по корзинке в руках. Но в этом взгляде не было презрения – только искреннее любопытство.

– Приятно познакомиться, Лина, – сказала северная аристократка с лёгким акцентом. – Ваш друг сегодня покорила не только Совет, но и моё сердце. Как истинная дочь Севера, я знаю цену настоящему огню.

Она протянула руку, и Лина, помедлив мгновение, пожала её. Эйдан смотрел на этих двух таких разных девушек и чувствовал, что мир вокруг становится больше, сложнее и прекраснее, чем он мог себе представить.

Вечером, когда город утонул в огнях праздничной иллюминации, а в небо одна за другой взлетали разноцветные искры фейерверков, Эйдан снова стоял на своём балконе. Только теперь он был не один. Лина прижималась к его плечу, кутаясь в его алую мантию, которую он накинул на неё, спасая от вечернего холода.

– Страшно подумать, – сказала она тихо, глядя на расцвеченное огнями небо. – Всего полгода назад ты таскал мешки с мукой у отца. А теперь ты знаменитость. Тебя приглашают в гости графы, тобой восхищаются леди.

– А я всё тот же, – ответил Эйдан, касаясь губами её макушки. – Я тот, кто любит тебя. И тот, кто умеет зажигать огонь. Всё остальное – просто декорации.

Внизу, в городе, играла музыка. Где-то смеялись, ссорились, влюблялись. Где-то старый пекарь закрывал свою лавку, довольно потирая руки, – его пирожки сегодня пользовались небывалым спросом, потому что весь Нижний Город знал, что их ест новый маг огня. А на башне Гильдии двое молодых людей смотрели на звёзды и верили, что впереди у них целая вечность.

Глава 3.

Зима пришла в Альтеру неожиданно, как это часто бывает в предгорьях – ещё вчера моросил холодный дождь, а сегодня утром город проснулся укутанным в белоснежное одеяло, искрящееся на солнце миллионами алмазных крошек. Эйдан стоял у окна своей новой комнаты – теперь у него были отдельные покои в восточной башне, небольшие, но с высоким потолком и камином, который он мог зажигать одним щелчком пальцев. За окном кружились снежинки, такие лёгкие и невесомые, что казались обрывками утреннего тумана, замёрзшими в полёте.

Он любил это время. Зима в Альтере была особенной – суровой и величественной, как сам север. Река у подножия холмов покрывалась льдом, и по ней с утра до вечера скользили конькобежцы, оставляя за собой причудливые узоры. Крыши домов в Нижнем Городе прогибались под тяжестью снега, и специальные люди с длинными шестами сбрасывали его вниз, чтобы сугробы не задавили прохожих. А в Верхнем Городе, где стояла Гильдия, снег аккуратно сметали слуги, посыпая дорожки песком, чтобы знатные господа не испачкали свои дорогие сапоги.

Эйдан теперь часто бывал в Верхнем Городе. После Дня Осеннего Равноденствия его имя стало известно в самых разных кругах. Приглашения на званые обеды, балы и приёмы сыпались одно за другим, и Магистр Ворон настоятельно рекомендовал их не игнорировать.

– Ты больше не просто маг, Эйдан, – говорил он своим скрипучим голосом. – Ты лицо Гильдии. Ты будущее огненной магии в Альтере. Люди должны знать тебя, доверять тебе, уважать тебя. А для этого нужно уметь не только жечь, но и говорить, и кланяться, и выбирать правильную вилку для рыбы.

Эйдан вздыхал, но подчинялся. Он уже успел понять, что спорить с Магистром бесполезно, да и в глубине души понимал его правоту.

Одним из таких приёмов был бал в доме Ларсонов, тех самых богатых торговцев тканями, которых Кайл показывал ему в первый день приезда гостей. Особняк Ларсонов поражал воображение – трёхэтажный, с колоннами из белого мрамора, с огромными окнами, в которых горели сотни свечей, с зимним садом, где даже в лютый мороз цвели диковинные южные растения. Эйдан приехал в сопровождении Кайла, который, как выяснилось, был своим человеком в этом доме.

– Двоюродная бабка по материнской линии, – пояснил он, когда они поднимались по широкой лестнице, устланной красной ковровой дорожкой. – Она вышла замуж за старшего Ларсона лет тридцать назад. Так что я тут почти родственник. Пользуйся, пока я добрый.

Внутри было шумно и многолюдно. Дамы в роскошных платьях, расшитых золотом и серебром, кавалеры в строгих костюмах с орденскими лентами, слуги с подносами, на которых теснились бокалы с искристым вином и крошечные закуски, больше похожие на произведения искусства, чем на еду. Эйдан чувствовал себя неуютно в этом море блеска и фальшивых улыбок, но старался не подавать вида.

– Эйдан! – знакомый голос вырвал его из толпы. Леди Ариана, та самая северная аристократка, плыла к нему в платье цвета ночного неба, расшитом серебряными нитями так искусно, что казалось, на нём застыли настоящие звёзды. – Как я рада вас видеть! Отец говорил, что вы будете сегодня.

– Леди Ариана, – Эйдан склонился в поклоне, отмечая про себя, что с каждым разом у него получается всё естественнее. – Вы сегодня ослепительны.

– Лыстец, – улыбнулась она, но в её прозрачных глазах мелькнуло удовольствие. – Позвольте представить вам мою тётушку, герцогиню Вэльскую. Она специально приехала из столицы, чтобы посмотреть на знаменитого мага огня.

Рядом с Арианой возникла пожилая дама в чёрном платье с высоким воротником, с тонкими аристократическими чертами лица и острым, оценивающим взглядом.

– Молодой человек, – голос герцогини звучал сухо, но не враждебно. – Я наслышана о вашем даре. Говорят, вы можете зажечь пламя в сердце зимы.

– Могу, ваша светлость, – ответил Эйдан, чувствуя, как внутри привычно пульсирует жар. – Если позволите продемонстрировать?

Он не стал ждать ответа – просто щёлкнул пальцами, и в воздухе между ними расцвёл огненный цветок, идеальная роза с алыми лепестками, переливающимися золотом. Она медленно вращалась, не обжигая, не дымя, существуя только как чистое воплощение красоты. Герцогиня смотрела завороченно, и даже суровые складки у её губ разгладились.

– Bravo, – сказала она тихо, когда цветок растаял в воздухе, рассыпавшись искрами. – В мои годы меня уже трудно удивить. Но вы справились. Ариана, дорогая, этот молодой человек подаёт большие надежды. Не упусти его.

Она удалилась, оставив их вдвоём посреди шумного зала. Ариана смотрела на Эйдана с новым выражением – не просто любопытства, а чего-то более глубокого.

– Вы удивительный, Эйдан, – сказала она. – Вы умеете сочетать силу и нежность. Это редко встречается.

– Я просто делаю то, что чувствую, – ответил он, но в этот момент краем глаза заметил знакомую фигуру у входа. Лина. В простом, но очень красивом синем платье, с волосами, уложенными в замысловатую причёску, и с таким растерянным выражением лица, что у Эйдана сжалось сердце.

– Простите, леди Ариана, – быстро сказал он. – Я должен...

Он почти побежал через зал, лавируя между гостями, не замечая удивлённых взглядов. Лина увидела его, и растерянность на её лице сменилась облегчением.

– Эйдан! Я не знала, что тут так... так много людей, – прошептала она, когда он подошёл. – Меня пригласила одна знакомая швея, сказала, что это будет весело, но я чувствую себя здесь как рыба на суше.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказал Эйдан, беря её за руку. – Лучше всех этих разодетых кукол. Пойдём со мной.

Он повёл её в зимний сад – тихое место, где под стеклянным куполом росли пальмы и апельсиновые деревья, а в маленьком пруду плавали золотые рыбки. Здесь было тепло и пахло цветами, и шум бала доносился приглушённо, как далёкий прибор.

– Зачем ты сюда пришла? – спросил он, когда они устроились на скамье под раскидистой пальмой.

– Я... – Лина запнулась, теребя кружево на платье. – Я хотела тебя увидеть. Ты последнее время так занят, эти приёмы, эти важные люди... Я боялась, что ты забываешь про нас. Про меня.

Эйдан взял её лицо в ладони, заглядывая в глаза, в которых блестели непрошеные слёзы.

– Глупая, – сказал он нежно. – Ты для меня – всё. Эти приёмы, эти важные люди – они как снег за окном. Красиво, но холодно. А ты – мой огонь. Ты всегда со мной, даже когда тебя нет рядом.

Она улыбнулась сквозь слёзы, и Эйдан поцеловал её – впервые так открыто, так откровенно, не боясь ничьих взглядов. Вокруг цвели апельсиновые деревья, где-то за стеклянными стенами кружился снег, а у них внутри горел огонь, которому не нужна была магия.

Весна наступила незаметно. Снег таял, обнажая бурую землю, набухали почки на деревьях, а река сбрасывала ледяные оковы с грохотом, похожим на далёкий гром. Эйдан теперь редко бывал в Нижнем Городе – обучение усложнилось, Магистр Ворон готовил его к чему-то большему, о чём пока не говорил прямо. Но каждую свободную минуту он проводил с Линой, и эти минуты были дороже любых магических достижений.

Однажды вечером, когда они сидели на их любимом балконе, глядя, как зажигаются первые звёзды, Лина вдруг сказала:

– Я хочу научиться магии.

Эйдан удивлённо посмотрел на неё.

– Зачем? Ты же всегда говорила, что это не твоё.

– Я передумала, – она смотрела куда-то вдаль, на огни Нижнего Города. – Я не хочу быть просто девушкой, которая приносит пирожки. Я хочу быть с тобой не только в обычной жизни, но и в твоём мире. Я хочу понимать, чем ты живёшь, что чувствуешь, когда творишь огонь. Может, у меня нет дара, но, может, есть что-то другое? Вода, воздух, земля?

Эйдан молчал, обдумывая её слова. Он знал, что магия – это не игрушка, это тяжелейший труд, это опасность и ответственность. Но он также знал, что Лина, если чего-то захочет, добьётся любой ценой.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Я поговорю с Магистром Вороном. Он знает всё о всех стихиях. Если у тебя есть дар, он его найдёт.

Магистр Ворон отнёсся к просьбе Эйдана с неожиданным пониманием.

– Приводи девчонку, – сказал он, поправляя очки в железной оправе. – Давно пора. Я же видел, как она на тебя смотрит. Такая преданность редко встречается. И если в ней есть хоть искра дара, мы её раздуем.

Тестирование проходило в Зале Стихий, том самом, где Эйдан впервые предстал перед Магистром. Лина стояла в центре круга, бледная от волнения, но с решительным выражением лица. Вокруг неё по очереди зажигались символы стихий – красный огня, голубой воды, зелёный воздуха, коричневый земли. Она должна была просто стоять и чувствовать.

Огонь не отозвался. Вода осталась холодной. Воздух не дрогнул. Но когда зажёгся символ земли, Лина вдруг покачнулась и схватилась за голову.

– Что с ней? – Эйдан рванулся было к ней, но Ворон остановил его жестом.

– Тихо. Смотри.

Под ногами Лины каменные плиты начали менять цвет – из серых становились золотистыми, тёплыми, живыми. Из пола потянулись тонкие зелёные ростки, которые на глазах превращались в цветы – полевые ромашки, васильки, колокольчики. Запахло свежескошенной травой и мёдом.

– Магия земли, – выдохнул Ворон. – Редчайший дар. Обычно земляники работают с камнем, с рудами, с глубинами. Но она... она творит жизнь. Это дар друидов, дар, которого не было в Альтере уже двести лет.

Лина открыла глаза и в ужасе посмотрела на цветы у своих ног.

– Это я сделала?

– Ты, девочка, – Ворон впервые за всё время, что Эйдан его знал, улыбнулся. По-настоящему, широко, почти счастливо. – Ты сделала это. Добро пожаловать в Гильдию.

Летом Лина уже была полноправной ученицей, и её успехи поражали даже старых магов. Она не просто управляла землёй – она чувствовала её, понимала её язык, слышала шёпот корней и дыхание камней в недрах гор. В саду Гильдии, который веками был унылым и запущенным, теперь буйствовали цветы, каких никто никогда не видел – они цвели круглые сутки, не боясь ни жары, ни холода, и пахли так, что пчёлы слетались со всей округи.

Эйдан и Лина теперь учились вместе, хотя и у разных наставников. Они встречались на закате на своём балконе и рассказывали друг другу о своих успехах и неудачах, о новых заклинаниях и древних тайнах, которые приоткрывали им учителя.

– Знаешь, о чём я мечтаю? – спросила как-то Лина, глядя на догорающий закат.

– О чём?

– О доме. О нашем доме. Не в Гильдии, не в городе, а где-нибудь у леса. Чтобы рядом была река, чтобы сад был большой, чтобы ты мог жечь свои огни, а я растить цветы. И чтобы мы были вместе. Всегда.

Эйдан обнял её, прижимая к себе, чувствуя, как бьётся её сердце в унисон с его.

– Будет, – сказал он твёрдо. – Обязательно будет. Я тебе обещаю.

И в этот момент где-то в глубине королевства, за лесами и горами, на Пустошах, которые когда-то сжёг безумный маг, в ночном небе зажглась алая звезда. Никто в Альтере не видел её, кроме одного старого пастуха, который перекрестился и погнал овец прочь, бормоча молитвы. Но звезда горела всё ярче, и там, куда падал её свет, пепел начинал тлеть, словно вспоминая, каково это – быть огнём.

В то утро Эйдан проснулся от странного чувства – будто кто-то позвал его по имени, но голос был незнакомым, древним и далёким, как эхо в горах. Он сел на кровати, прислушиваясь к себе. Пламя внутри пульсировало неровно, тревожно, чего не случилось уже много месяцев. За окном только начинал разгораться рассвет, окрашивая небо в нежно-розовые тона, но Эйдану казалось, что где-то на горизонте виднеется багровая полоса, которой там быть не должно.

Он оделся быстро и вышел в коридор. Тишина в башне стояла непривычная – даже обычно суетливые слуги куда-то исчезли, а маги, попадавшие навстречу, выглядели озабоченными и хмурыми. В Зале Стихий уже собрался Совет. Эйдан проскользнул незаметно и встал у колонны, прислушиваясь.

– Этого не может быть, – говорил Магистр Воды, полная женщина в синих одеждах, с лицом, изрезанном морщинами, как высохшее русло реки. – Пустоши мёртвы уже двести лет. Там ничего не растёт, не живёт, не дышит.

– И тем не менее, – голос Магистра Ворона звучал жёстко и металлически. – Мои источники подтверждают. Там снова появился огонь. Не обычный огонь – магический. Древний. Тот самый, который уничтожил королевство.

Верховный Маг Элиан Небесный поднял руку, призывая к тишине.

– Нам нужно больше информации, – сказал он, и его голос, обычно спокойный, сегодня звучал напряжённо. – Мы отправим разведчиков. Добровольцев. Тех, кто сможет подойти близко и не сгореть.

– Я пойду, – слова вырвались у Эйдана раньше, чем он успел подумать. Все головы повернулись к нему. Магистр Ворон смотрел с удивлением и чем-то похожим на гордость.

– Мальчик, ты понимаешь, о чём говоришь? – спросил Элиан. – Пустоши – не место для учеников. Даже опытные маги боятся туда соваться.

– Я маг огня, – ответил Эйдан, выходя из-за колонны. – Если там проснулся огонь, я должен его понять. Может быть, я смогу с ним поговорить.

В Зале повисла тишина. Маги переглядывались. Потом Магистр Ворон медленно кивнул.

– Он прав. Огонь говорит с огнём. Если кто и может подойти к источнику, то именно тот, кто владеет пламенем. Но ты пойдёшь не один, Эйдан. С тобой пойдут ещё двое.

Выбор пал на Кайла – его магия воздуха могла пригодиться для разведки и защиты – и на Лину. Это решение вызвало споры, но Магистр Ворон настоял.

– Земля чувствует глубже всех, – сказал он. – Если там что-то просыпается, она услышит это раньше нас. И потом, – он бросил быстрый взгляд на Эйдана, – эти двое не бросят друг друга. А в таком деле верность важнее силы.

Через три дня они вышли за ворота Альтеры. Город провожал их молчаливо – слухи уже разносились по улицам, и люди выходили на пороги своих домов, глядя вслед трём фигурам в дорожных плащах. Старый пекарь стоял у дверей своей лавки, прижимая к себе пустой поднос, и Эйдан заметил, как дрожат его руки.

– Верни её, – только и сказал пекарь, когда они проходили мимо. Эйдан молча кивнул.

Лина шла рядом, собранная и серьёзная. Она почти не говорила эти дни, но Эйдан чувствовал её поддержку кожей, каждым нервом. Кайл, как обычно, пытался шутить, но шутки выходили натянутыми, и вскоре он замолчал.

Дорога к Пустошам заняла пять дней. Сначала шли через предгорья, где осень уже раскрасила леса в жёлто-красные тона, и воздух пах прелыми листьями и грибами. Потом лес начал редеть, деревья становились ниже, кривее, пока совсем не исчезли, уступив место хол-

мистой равнине, покрытой серым мхом и редкими пятнами чахлой травы. А потом начались Пустоши.

Эйдан понял, что они вступили на проклятую землю, по изменению воздуха. Он перестал пахнуть. Вообще. Ни травы, ни цветов, ни даже прелой листвы – только холодная, мёртвая пустота. Под ногами хрустел пепел, перемешанный с серым песком, а небо над головой, ещё недавно голубое и ясное, стало мутным, белесым, словно выцветшим на солнце.

– Здесь кто-то плакал, – вдруг сказала Лина, останавливаясь. – Очень давно. И слёзы эти впитались в землю. Она помнит.

Эйдан взял её за руку. Её пальцы были холодными, несмотря на тёплый день.

– Ты чувствуешь, где источник? – спросил он.

Лина закрыла глаза, прислушиваясь к земле. Прошло несколько томительных минут. Потом она открыла глаза и указала на восток.

– Там. Но это не просто огонь, Эйдан. Это... это сердце. Которое бьётся. Которое хочет проснуться.

Они двинулись дальше, и с каждым шагом пейзаж становился всё более зловещим. Появились камни – чёрные, оплавленные, стоящие в странном порядке, словно остатки древних строений. Ветер, который здесь дул постоянно, завывал в этих камнях, и в его завываниях чудились голоса.

– Здесь был город, – Кайл присел на корточки, рассматривая камни. – Видите? Это стена. А это, похоже, башня. Всё оплавилось, но форма сохранилась.

– Не подходи близко к камням, – предупредила Лина. – Они горячие. Не снаружи, внутри. Как будто их только что остудили, но сердцевина всё ещё пылает.

К вечеру третьего дня пути они увидели его. Вдали, на ровной, как стол, равнине, горел огонь. Он не был похож на обычное пламя – слишком ровный, слишком яркий, слишком... разумный. Он пульсировал в такт чему-то, что Эйдан чувствовал внутри себя, и эта пульсация отдавалась болью в висках.

– Дальше я пойду один, – сказал Эйдан, останавливаясь.

– Нет, – Лина вцепилась в его руку. – Мы договаривались – вместе.

– Там опасно. Я чувствую это. Огонь зовёт меня, но он может не принять вас. Лина, пожалуйста. Доверься мне.

Она смотрела на него долго, и в её глазах плескался страх, перемешанный с чем-то ещё – верой. Потом она кивнула.

– Если через час не вернёшься, я приду за тобой. И пусть этот огонь тогда меня боится.

Эйдан улыбнулся, поцеловал её в лоб и пошёл вперёд – туда, где пульсировало алое зарево.

С каждым шагом жар становился сильнее, но это был не обычный жар. Он не обжигал кожу – он проникал внутрь, смешивался с собственным пламенем Эйдана, заставляя его сердце биться быстрее, а мысли – путаться. Вокруг, в пепле под ногами, начали проявляться очертания – лица, фигуры, дома. Призраки прошлого, которые огонь не давал забыть.

– Кто ты? – спросил Эйдан, останавливаясь в десяти шагах от источника. – Я чувствую тебя. Ты не просто огонь. Ты живой.

Пламя колыхнулось, и из него вышел человек. Вернее, фигура, похожая на человека – сотканная из света и жара, с глазами, горящими синим пламенем, и лицом, искажённым вековой мукой.

– Ты пришёл, – голос фигуры звучал прямо в голове Эйдана, минуя уши. – Я ждал. Двести лет я ждал того, кто сможет меня услышать.

– Кто ты? – повторил Эйдан, с трудом сохраняя спокойствие.

– Я был магом, – ответила фигура. – Как ты. Я хотел поймать солнце. Я хотел стать богом. И я почти преуспел. Но солнце нельзя поймать – оно сжигает тех, кто тянет к нему руки. Я сжёг себя. Я сжёг свой народ. Я сжёг всё. И теперь я здесь – вечно горящий, вечно помнящий, вечно проклятый.

– Зачем ты позвал меня?

– Потому что ты – мой шанс. Шанс на искупление. Шанс угаснуть. Я не могу умереть сам – слишком сильна магия, которую я призвал. Но если другой маг огня примет моё пламя, переплавит его в себе, очистит своей волей... тогда я смогу уйти. А ты получишь силу, какой не было ни у кого. Силу настоящего солнца.

Эйдан молчал, чувствуя, как внутри борются страх и искушение. Сила. Огромная, невообразимая сила. Он сможет защитить Альтеру от любых врагов. Он сможет дать Лине всё, что она захочет. Он сможет...

– А цена? – спросил он. – Какая цена?

Фигура улыбнулась – страшно, одними глазами.

– Цена – ты сам. Часть тебя умрёт. Часть, которая боится, сомневается, любит. Огонь не терпит слабости. Если ты примешь мою силу, ты станешь другим. Сильнее. Но другим.

– Я не хочу быть другим, – ответил Эйдан твёрдо. – Я хочу быть собой. Я хочу любить. Я хочу сомневаться. Я хочу бояться – потому что страх учит осторожности. Твоя сила мне не нужна.

Фигура замерла, и в её глазах что-то мелькнуло – удивление? Уважение?

– Ты первый, кто отказался, – прошептала она. – За двести лет ко мне приходили многие. Маги, искатели приключений, безумцы. Все хотели силы. Все сгорали. А ты отказался. Почему?

– Потому что я знаю, кто я есть, – Эйдан шагнул вперёд, прямо к источнику пламени. – Я Эйдан, маг огня. Я люблю девушку по имени Лина. Я пеку хлеб с её отцом, когда выпадает свободное время. Я мечтаю о доме у леса. И я не променяю это ни на какую силу в мире.

Он протянул руку к источнику, и пламя вдруг перестало пульсировать. Оно замерло, прислушиваясь.

– Я не возьму твою силу, – сказал Эйдан. – Но я могу тебе помочь. Расскажи мне свою историю. Расскажи, как ты жил, как любил, как ошибался. Я выслушаю. Я запомню. И тогда ты сможешь уйти – не в силах, а в памяти. Это всё, что я могу дать.

Фигура смотрела на него долго. Потом вдруг рухнула на колени, и из её глаз полились слёзы – настоящие, живые слёзы, которые, падая в пепел, превращались в цветы.

– Ты прав, – прошептала она. – Я забыл. Я забыл, что был человеком. Я помнил только боль и гордость. А любовь... у меня тоже была любовь. Её звали Ирма. Она пекла пироги с яблоками и ждала меня по вечерам. И я сжёг её. Я сжёг её вместе со всем городом.

Эйдан сел прямо на пепел, рядом с рыдающей фигурой.

– Расскажи мне о ней, – сказал он. – Расскажи всё.

И фигура рассказывала. Часами, пока ночь сменяла день, а день – ночь, она рассказывала о своей жизни, о любви, о безумной мечте поймать солнце, о гибели, о вечном горении. Эйдан слушал, и внутри него пламя горело ровно и спокойно, впитывая чужую боль, чужую память, чужую душу.

Когда на третьи сутки Лина и Кайл, не выдержав ожидания, прибежали к источнику, они застали странную картину. Эйдан сидел в центре угасающего пламени, а перед ним на коленях стояла фигура из света, которая становилась всё прозрачнее с каждой минутой.

– Прощай, брат, – сказала фигура. – Спасибо тебе. Ты дал мне то, чего я не заслуживал. Ты дал мне покой.

Она растаяла, и последняя искра, взметнувшись в небо, погасла навсегда. Эйдан поднялся, шатаясь от усталости, и Лина бросилась к нему, обнимая, целуя, плача от счастья.

– Ты живой, – шептала она. – Ты живой.

– Живой, – ответил он, прижимая её к себе. – И такой, каким был. Ничего во мне не изменилось. Кроме одного – теперь я знаю цену ошибкам. И никогда их не повторю.

Кайл стоял поодаль, с непривычно серьёзным лицом.

– А огонь погас, – сказал он, оглядывая Пустоши, которые вдруг перестали быть мёртвыми. В пепле пробивались первые зелёные ростки, тонкие, робкие, но живые.

– Нет, – покачал головой Эйдан. – Не погас. Просто перестал быть проклятым. Теперь здесь снова будет жизнь. Земля помнит, – он посмотрел на Лину, – и она простила.

Обратный путь занял меньше времени. Пустоши оживали на глазах – сначала редкая трава, потом кусты, потом первые деревья, тянущиеся к солнцу. В небе снова запели птицы, а в ручьях, которые вдруг появились из-под земли, заблестела вода.

В Альтере их встречали как героев. Верховный Маг говорил речь, Магистр Ворон впервые прилюдно обнял Эйдана, а старый пекарь долго тряс руку зятя, не в силах вымолвить ни слова.

Но настоящий праздник случился позже, когда они остались одни – Эйдан и Лина – на их балконе, глядя на закат над ожившим королевством.

– Помнишь, я говорила про дом у леса? – спросила Лина, положив голову ему на плечо.

– Помню.

– Так вот, я его нашла. Там, где начинаются предгорья, есть поляна. С одной стороны лес, с другой – река. Земля там хорошая, я чувствую. Мы построим дом. Посадим сад. И будем жить долго и счастливо.

– А как же Гильдия? Магия? – улыбнулся Эйдан.

– А Гильдия будет рядом. Мы будем приезжать, учить молодых, помогать советом. Но жить мы будем там. Я хочу просыпаться утром и видеть не каменные стены, а деревья. Хочу, чтобы наши дети бегали по траве, а не по плитам.

– Дети? – Эйдан приподнял бровь. – А мы уже о детях говорим?

– А ты против?

Вместо ответа он поцеловал её – долго, нежно, обещая всем своим существом, что так и будет. Будет дом. Будет сад. Будут дети, бегающие по траве. И огонь внутри него будет гореть ровно и спокойно, согревая, но не сжигая.

Где-то внизу зажигались огни Альтеры, весёлые и живые. Где-то в таверне «Толстый Гусь» Кайл рассказывал очередную историю о своём героизме на Пустошах, привирая, конечно, но кто ж ему поверит. А здесь, на высоте, двое молодых людей смотрели на звёзды и верили, что впереди у них целая вечность.

Глава 4.

Прошло три года с тех пор, как Эйдан стоял на Пустошах и говорил с призраком древнего мага. Много изменилось в Альтере за это время. Пустоши больше не были пустошами – теперь их называли Новой Долиной, и каждую весну туда отправлялись переселенцы, чтобы поднимать земли, которые щедро благословила проснувшаяся жизнь. Лина часто ездила туда

– её магия земли была нужна повсюду, и она с радостью помогала молодым росткам превращаться в деревья, а сухой почве – напитываться влагой.

Эйдан теперь редко покидал Гильдию надолго. Он стал младшим магистром огня, и в его обязанности входило обучение новых учеников – тех, в ком просыпался дар пламени. Он оказался прирождённым учителем, терпеливым и внимательным, умеющим найти подход к каждому. Магистр Ворон, который совсем состарился и редко выходил из своих покоев, говорил, что Эйдан понимает огонь лучше, чем кто-либо из ныне живущих.

– Потому что я не пытаюсь его приручить, – отвечал Эйдан. – Я просто слушаю. И он говорит со мной.

Весна в тот год выдалась ранняя и тёплая. Снег сошёл уже к середине марта, и в лесах вокруг Альтеры зацвели подснежники – белые, нежные, пахнущие надеждой. Эйдан стоял у окна своего кабинета и смотрел, как внизу, во внутреннем дворе Гильдии, Лина возится с новыми саженцами, которые привезла из Новой Долины. Она что-то напевала, склонившись над землёй, и её рыжие волосы горели на солнце ярче любого пламени.

– Магистр Эйдан? – робкий голос заставил его обернуться. В дверях стоял мальчик лет двенадцати, худой, вихрастый, с огромными серыми глазами. Он был новеньким – пришёл в Гильдию всего неделю назад, и дар у него только начал проявляться.

– Да, Тим? Что случилось?

– Я... у меня опять не получается, – мальчик шмыгнул носом и протянул вперёд ладони. На кончиках пальцев затрепетало слабое, едва заметное свечение, но тут же погасло. – Я делаю всё, как вы учили. Дышу ровно, представляю огонь внутри. А он не идёт. Совсем.

Эйдан улыбнулся и подошёл к мальчику. Он присел на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

– А ты не пробовал просто перестать стараться?

– Что? – Тим удивлённо захлопал глазами.

– Понимаешь, огонь – он как дикий зверь. Если ты будешь на него кричать и топтать ногами, он испугается и убежит. А если ты сядешь тихо-тихо и просто подождёшь – он сам придёт к тебе, из любопытства. Попробуй сейчас. Не старайся зажечь огонь. Просто закрой глаза и почувствуй, какой ты тёплый внутри. Как бьётся сердце. Как кровь бежит по жилам.

Тим послушно закрыл глаза. Прошло несколько секунд, потом минута. И вдруг на его ладони вспыхнул маленький, но ровный огонёк – не дрожащий, не испуганный, а спокойный и уверенный. Мальчик открыл глаза и ахнул.

– Получилось! Магистр, получилось!

– Это у тебя получилось, – поправил Эйдан, вставая и кладя руку ему на плечо. – Ты молодец. А теперь иди, покажи остальным. И помни – огонь любит тех, кто его не боится.

Тим выбежал из кабинета, сияя от счастья, а Эйдан вернулся к окну. Лина уже закончила с саженцами и теперь разговаривала с кем-то у ворот. Эйдан присмотрелся и узнал Кайла – тот вернулся из очередного путешествия, теперь он был официальным посланником Гильдии при дворах соседних королевств. Кайл что-то оживлённо рассказывал, размахивая руками, а Лина смеялась – её смех Эйдан слышал даже сквозь закрытое окно.

Вечером они собрались втроём в любимой таверне Кайла – «Летающий Ветер» называлась она, на самом верху Западного холма, откуда открывался вид на всю Альтеру. Закат догорал за окнами, раскрашивая небо в цвета старого золота и спелой вишни, а в камине весело потрескивали дрова.

– ...и тогда этот граф говорит: «А можете ли вы, уважаемый маг, сделать так, чтобы ветер дул только в мои паруса, а соседские корабли стояли на месте?» – Кайл изображал важного вельможу, надувая щёки и смешно шевеля бровями. – Я ему отвечаю: «Могу, ваше сиятельство. Но тогда ваши корабли тоже никуда не поплывут, потому что ветер, который дует только в одну сторону, называется сквозняком и бывает только в одном месте».

– И что он? – спросила Лина, утирая слёзы смеха.

– Он обиделся. А потом пригласил на ужин и предложил остаться при дворе главным советником по погоде. Представляете? Главный советник по погоде! Я ему сказал, что подумаю, но только если он построит мне дворец из облаков и будет поливать его дождём из шампанского.

– Ты неисправим, – покачал головой Эйдан, подливая другу вина.

– А зачем мне исправляться? Я и так хорош, – Кайл откинулся на спинку стула и вдруг стал серьёзным. – Слушайте, я тут не просто так болтаю. Я кое-что узнал в своих поездках. То, что может быть важно для вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.